

*Гончарова М. В., докторант, кандидат юридических наук, доцент
(ВНИИ МВД России)*

САМОДЕТЕРМИНАЦИЯ РЕЦИДИВА КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Одной из наиболее актуальных криминологических проблем выступает проблема рецидива корыстных преступлений, который отличается устойчивостью, стабильно высокими показателями с тенденцией к увеличению и определяется тремя составами — кража, мошенничество, присвоение или растрата.

Факторы, обуславливающие рецидив корыстных преступлений, крайне разнообразны по своим природе, формам проявлений, направленности воздействия. Они взаимосвязаны с

причинами и условиями преступности вообще и в то же время им присуща своя специфика. «Облик» рецидива корыстных преступлений определяется не каким-то отдельным фактором, а является следствием сложного комплекса причин в социально-экономической, психологической, организационно-правовой, политической сферах. При этом выделить и оценить степень воздействия каждого в отдельности чрезвычайно трудно. Помимо этого ряд социальных явлений, влияющих на рецидив корыстных преступлений в той или иной степени, одновременно являются его последствиями. Иными словами, между этими явлениями и совершением повторных корыстных преступлений причинно-следственная связь не является очевидной. Речь идет о самодетерминации или самовоспроизводстве рецидива корыстных преступлений, который сам выступает фактором самовоспроизводства преступности, активно способствуя организованной, профессиональной и пенитенциарной преступности, а также преступности несовершеннолетних. В этом случае действует схема, когда рецидив корыстных преступлений выступает в качестве своей собственной причины, порождает и воспроизводит себя, создает и упрочняет почву, на которой произрастают преступления¹. Самодетерминация происходит за счет сохранения, приспособления рецидива к изменяющимся обстоятельствам, «криминального заражения» части общества, использования механизмов вовлечения, внушения и подражания².

Самодетерминация рецидива корыстных преступлений находит проявление в:

- совершении корыстного преступления, оставшимся нераскрытым, а возможно и не зарегистрированным, безнаказанности виновного;
- совершении корыстного преступления, его раскрытии, привлечении виновного к уголовной ответственности, однако в силу неэффективности применяемых мер уголовно-правового воздействия или проблем постпенитенциарной адаптации возвращении к преступной деятельности;
- совершении повторных корыстных преступлений, а также «вспомогательных» преступлений, предусмотренных ст. ст. 291 («Дача взятки»), 291.1 («Посредничество во взяточничестве»), 313 («Побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи»), 314 («Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также применения принудительных мер медицинского характера»), 314.1 («Уклонение от административного надзора»), и 316 (Укрывательство преступлений») УК РФ;
- связи с профессиональной, организованной и маргинальной преступностью;
- формировании отрицательного отношения у лиц, соприкасавшихся с правосудием (судимые, свидетели преступлений, их родственники и близкие люди), к представителям государственной власти, прежде всего правоохранительных органов, обществу и правилам поведения в нем. Изоляция осужденного от общества порождает отвыкание от условий обычной жизни, разрушение социально полезных связей (потеря семьи, жилья, трудности и невозможность трудоустройства), «привыкание» к режиму жизни в местах лишения свободы и проблемы социальной адаптации, а также замещение социально полезных связей социально отрицательными. Кроме того, у человека, изолированного от общества, когда он сталкивается с ограничениями и лишениями, связанными с отбыванием наказания, и осознает их как последствия совершенного преступления, обостряется чувство одиночества. Он попадает как бы в оппозицию ко всем, за редким исключением, и «обороняется» от всех. В результате все его старания уходят на противостояние государственной машине, «ломающей» привычный уклад жизни³. Это противостояние продолжается после отбывания наказания;
- ухудшении криминального состава осужденных и криминальной ситуации в учреждениях уголовно-исполнительной системы;
- популярности и расширении границ криминальной субкультуры, «воровских законов». Их распространителями выступают профессиональные преступники и лица, занимающие наиболее влиятельное положение в преступной иерархии. В местах лишения свободы эти нормы в разной степени соблюдаются значительной частью осужденных. Привычка соблюдать их сохраняется и после отбытия наказания, перешагивая границы мест изоляции, «заражает» круг общения лиц, освободившегося после отбытия наказания. Знание и соблюдение неписанных правил позволяет адаптироваться в криминальном кругу, получать помощь от членов этой общности, «продвигаться по иерархии», расширять сферы криминального влияния, что имеет большое значение для лиц, не собирающихся прерывать преступную деятельность;⁴
- психологическом «заражении» общества нормами и ценностями преступного мира. Вовлечение в криминальную среду и в совершение корыстных преступлений подростков, нравственно неустойчивых лиц, осуществляемое корыстными рецидивистами, передача опыта и навыков преступного поведения начинающим правонарушителям со стороны лиц, неод-

нократно судимых, в основном за кражи; криминогенное влияние микросреды в местах лишения свободы — таков далеко неполный перечень путей и средств участия рецидивной корыстной преступности в криминальном «заражении» общества;

- допустимости, обыденности корыстной преступности в сознании населения с одновременным неверием в силу закона и возможность государственных институтов противостоять преступности. Правовой нигилизм, социальная разобщенность и пассивная общественная позиция приводят к тому, что значительное число корыстных преступлений не выявляется и не пресекается в том числе в силу неверия населения в эффективность розыскной деятельности, в результате чего информация о корыстных преступлениях не поступает в соответствующие органы. Снижение авторитета государственной власти, ее неспособность блюсти интересы своих граждан привели к массовому игнорированию, безразличному, неуважительному отношению к правовым установлениям государства со стороны большинства граждан.

Кардинальные изменения в духовной сфере нашли выражение в утрате обществом моральных и этических ориентиров, позволяющих оценивать поступки как достойные и недостойные, размывании и искажении нравственных принципов. В результате в общественном сознании произошло искажение понимания места преступности и преступника в обществе, совершение преступления для значительной части населения перестало быть постыдным явлением, правонарушитель нередко продолжает считаться достойным и уважаемым членом общества⁵.

Усилению меркантилизации сознания способствует деятельность средств массовой информации, выражающаяся в приобщении общества к продукции, пропагандирующей криминальный образ жизни, смакующей разнообразные формы социальной патологии. Распространяя в угоду конъюнктурным соображениям такие материалы, средства массовой информации способствуют расширению социальной базы современного преступного мира, деформируют обыденное сознание, стимулируют преступный образ жизни;

- увеличении маргинального слоя — безработных и бездомных, определенной части молодежи, социальных сирот, ранее судимых, нелегальных мигрантов, алкоголиков и наркоманов, «профессиональных» нищих, одиноких, никому не нужных людей. Маргинализация проявляется в утрате индивидом или группой индивидов социальных связей, чувства сопричастности ко всему происходящему и в отторжении их от общества⁶. По мере углубления процессов маргинализации их психологическое восприятие способно достигнуть критического порога, за которым, как правило, следуют конфликты с социальным окружением и законом. Маргинальный статус выступает одновременно и результатом, и источником процессов духовного и нравственного обнищания личности, а также преступного поведения.

Таким образом, самодетерминация рецидива корыстных преступлений представляет собой опасное социально-правовое явление, которое порождает такую преступность и позволяет существовать профессиональной и организованной преступности, расширяет масштабы преступности несовершеннолетних и неустойчивых лиц.

Трудности профилактического воздействия на самодетерминацию как фактор рецидива корыстных преступлений требуют комплексного подхода к социальным явлениям, определяющим их взаимосвязь и взаимозависимость. Тем не менее, выявление сфер, ответственных за существование рецидива корыстных преступлений, необходимо для определения приоритетов и направлений деятельности по его предупреждению. Требуется разработка и осуществление целого комплекса разнообразных и последовательных мер правового и организационного характера, направленных на минимизацию факторов, детерминирующих рецидив корыстных преступлений.

1 См.: Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. — М., 1980. — С. 189.

2 См.: Сутурин М. А. Преступность как система // Сибирский юридический вестник. — 2005. — № 4. — С. 63.

3 См.: Антонян Ю.М., Колышницына Е.Н. Детерминация криминогенной мотивации поведения осужденных, определяемая субъективным восприятием наказания // Общество и право. — 2009. — № 3. — С. 144-145.

4 См.: Пастушеня А.Н. Криминогенная сущность личности преступника (психологический аспект): Дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2000. — С. 465-466.

5 См.: Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. — М., 2006. — С. 195-196.

6 См.: Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. — М., 2001. — С. 74, 75.